

Пользуясь тем, что в полдень солнце припекало особенно сильно, Чэнь Чжи и Чанся вынесли из дома все теплые одеяла и развесили их на деревянных козлах для просушки.

Делать было больше нечего, и Чэнь Чжи, сверившись со временем, собрал корзинку с иголками и нитками, решив отправиться на старую половину деревни — посидеть в гостях да посудачить.

В отличие от летней поры, осенние дни сделались короткими, да и удушливой жары больше не наблюдалось, так что после полуденной трапезы мало кто ложился спать.

Когда самая горячая пора полевых работ осталась позади, мужчины получили возможность немного перевести дух, а хозяйки и шуаньэры, если не было нужды выходить в поле, по большей части усаживались за ткацкие станки или прялки.

Заметив, что Чанся в одиночестве сидит в комнате и прилежно подшивает шейный платок, фулан окликнул его:

— Чанся, пошли со мной к твоему дяде Лю посидим. Саньню, скорее всего, тоже дома, поболтаете, чего в четырех стенах киснуть.

Чанся был хорошо знаком с Саньню, поэтому без долгих колебаний угукнул, подхватил свое рукоделие и вышел вслед за папой.

На старой половине деревни народу всегда жило побольше. Многие усаживались прямо перед воротами своих усадеб: кто плел соломенные сандали, кто чинил одежду, перекликаясь и переговариваясь друг с другом — шуму и веселья хватало.

Чэнь Чжи, шагая по улице то и дело встречая знакомых, с каждым успевал обменяться парой шуточных фраз.

Впрочем, выносить лавки к воротам и сидеть у всех на виду отваживались в основном бойкие замужние женщины да фуланы почтенных лет, ну или совсем еще несмышленные ребятишки.

Если деревенские подростки лет пятнадцати-шестнадцати собирались гурьбой поиграть, в этом не было ничего зазорного. Но вот сидеть у самых ворот, где постоянно сновали люди, юным девицам и молодым парням считалось делом не совсем приличным.

Оттого-то молодых невесток да новоиспеченных шуаньэров на улице почти не водилось, а незамужних девчат — и подавно.

В усадьбе Пэй Юна фулан дома, Ван Лю, как раз на чем свет стоит распекал своего второго сына.

Несмотря на то что старшего сына с невесткой не было дома, он всё равно вовсю ругал и старших, и младших за полное отсутствие сообразительности.

Дров на кухне осталось всего ничего, а они и ухом не ведут — пока по шее не надаешь, колоты не пойдут; в чане вода на доньшке, а они вспомнят про коромысло, только если на них как следует прикрикнуть. Целыми днями ходят как неприкаянные, точь-в-точь как их отец — глаза им, видать, даны только для того, чтобы воздух портить.

В деревне брань в адрес нерадивых чад была делом обыденным, так что Чэнь Чжи и Чанся слышали грозные тирады еще на подходе к дому.

Стоило Ван Лю заметить гостей, как праведный гнев на его лице вмиг испарился. С широкой улыбкой он поспешил им навстречу, будто и не кричал только что во всю глотку. Громко рассмеявшись, он шутливо пожаловался Чэнь Чжи:

— Эти оболтусы с отцом во главе — чисто слепые, ни капли догадливости в головах нет.

Чэнь Чжи со смешком отозвался:

— Да ладно тебе, все дети такие. Вот подрастут — и дурь из башки выветрится.

Видя, что Ван Лю всё еще сердито косится на сына, он добавил:

— К тому же твой Сяолян парень послушный: стоит окликнуть — сразу за дело берется, не лодырничает. Вот если бы у тебя рос лентяй из породы редких упрямцев, ты бы хоть закричался, а он бы и пальцем не пошевелил.

Ван Лю невольно улыбнулся — и то правда.

Пэй Сяолян, привыкший к папиным нахлобучкам, и бровью не повел. Завидев Чэнь Чжи, он со всей учтивостью поздоровался, назвав его дядей, затем кивнул Чанся, окликнув его братом, подхватил коромысло с пустыми ведрами и споро припустил к колодцу.

— Саньню! Дочка, к нам дядя с братом Чанся пришли! — зычно крикнул Ван Лю в сторону флигеля.

— Иду-у! — звонко отозвалась Пэй Саньню и тут же выбежала во двор.

Ей исполнилось пятнадцать лет. Ростом она выдалась невысокой, лицо имела кругленькое, светлое и гладкое, да и сама была пухленькой, с мягкими пухлыми пальчиками — сразу видно, что в родительском доме её холили и лелеяли.

— Брат Чанся! — Саньню с сияющей улыбкой подхватила гостя под руку и увлекла в свою комнатку.

Чэнь Чжи питал к девочке самые теплые чувства, а потому с улыбкой заметил ей вслед:

— Всё-таки Саньню у вас и статью хороша, и улыбаться любит. На такую поглядишь — и сразу видно, что судьба у неё будет счастливой.

Ван Лю родил троих детей, но дочка среди них была всего одна, так как же было ее не баловать? Услышав похвалу в адрес своей любимицы, он прямо-таки расцвел от гордости — уж очень он любил, когда добрые люди хвалили его девочку.

В комнате.

Саньню с гордостью демонстрировала Чанся свое новое платье, и от избытка чувств её щеки окрасились в нежный румянец.

Наряд был пошит к Новому году из плотной ткани сочного абрикосового цвета — яркий, нарядный и на диво красивый.

Чанся, глядя на то, как девочка прикладывает обновку к себе, отчего становилась похожей на кругленький спелый абрикос, не удержался и мягко улыбнулся, прикрыв рот ладонью.

В глазах Саньню читалось нетерпеливое ожидание, смешанное с легкой досадой:

— Жаль только, надеть его можно будет только на Новый год, а до него еще целых три месяца ждать.

У Чанся тоже имелся новый наряд — длинный халат нежно-зеленого оттенка. Он надел его всего один раз, когда перед Праздником середины осени ходил вместе с Чэнь Чжи проводить дедушку с бабушкой по папиной линии, и с тех пор больше не доставал из сундука.

Что же касается новогодней одежды, то позапрошлой зимой ему пошили добротную смену, но во время зимних работ юноша берег её и не носил, так что вещи до сих пор выглядели как новенькие, без единой заплатки. В этот Новый год они вполне могли послужить ему снова.

Пока Саньню бережно складывала платье, в комнату вошел Ван Лю, неся два блюда с сушеными плодами. Застав дочку за хвастовством, он с шутливой укоризной зыркнул на неё: «Ишь, пятнадцать лет девке, а ума не нажила — похвальбу в узде держать не умеет».

Он ласково обратился к Чанся, зачерпнул добрую горсть каштанов и вложил их в ладони юноши:

— Угощайся, каштаны еще горячие, только-только из котла достал. Посидите тут, полакомитесь.

Сказав это, Ван Лю поспешил обратно во двор, чтобы продолжить душевную беседу с Чэнь Чжи.

Пэй Саньню росла в любви и неге, отличалась покладистым нравом и любила посмеяться.

Поскольку с малых лет папа и братья оберегали её от любых невзгод, она не знала обид и не любила водить компанию с заносчивыми или резкими людьми. В подругах у неё ходили исключительно смирные и тихие сверстницы.

Чанся она просто обожала, и стоило им встретиться, как её ротик так и рассыпался в ласковых приветствиях: «Брат то, брат сё».

А вот к своему двоюродному брату Пэй Яо, который хоть и уродился писаным красавцем, но отличался буйным нравом и обожал ввязываться в драки, девочка особой привязанности не питала и держалась от него подальше.

Молодые устроились в комнате, чистили каштаны, кололи орехи и неторопливо занимались рукоделием.

Поскольку в прошлый раз Пэй Яо похвалил узор с лотосом, Чанся вознамерился вышить для него еще парочку платков.

Шейные платки в крестьянском быту изнашивались быстро. Даже в деревне семьи с достатком меняли их по несколько штук в год — вещь-то небольшая, всего-то лоскут ткани, стоил он сущие копейки, так что за частую смену обнов никто бы худого слова не сказал.

К тому же Пэй Яо отличался редкой привередливостью и требовал новый платок каждые два-три месяца.

Чэнь Чжи иногда ворчал на сына за это, но поскольку хлопка и ткани в доме хватало, он сквозь

пальцы смотрел на то, как Чанся обшивает названного брата.

Сейчас в пальцах у Чанся был зажат лоскут нежно-голубого цвета.

В начале осени Чэнь Чжи, выкроив свободный денек, вместе с соседкой Чжао Цинь наварил индиго и выкрасил холст. Помимо голубых, они успели покрасить несколько платков в пурпурный цвет, используя сок ягод лаконоса.

Тот платок, что он подарил Пэй Яо в прошлый раз, был белым, а теперь юноша решил сменить цвет, чтобы вещи было легче различать при стирке.

Пэй Саньню, несмотря на свои пухлые пальчики, орудовала иглой на диво ловко — она уже вовсю осваивала сложный узор с уточками-мандаринками.

Ван Лю прикупил для неё немало разноцветных шелковых нитей, чтобы дочка набивала руку. В его планах было, чтобы перед свадьбой девочка сама вышила себе свадебную подушку для дома будущего мужа — вещь, сделанная своими руками, и счастье в дом приносила, и выглядела нарядно да празднично.

Глядя на её стежки, Чанся невольно вспомнил слова папы, сказанные пару дней назад: мол, через несколько дней нужно будет съездить на большой городской базар, прикупить хорошего красного сукна, чтобы Чанся мог потихоньку приниматься за пошив свадебного покрывала для головы.

Мало того, в мыслях юноши сам собой всплыл образ деревянных уточек-мандаринок, которые он бережно припрятал на самом дне своего сундука.

В отличие от бесшабашного сына, Чэнь Чжи за Чанся был совершенно спокоен.

Да и какое там могло быть имущество у сироты? Несколько смен одежды да обувь, пошитая собственными руками — папа знал каждую ниточку в его вещах. И даже если у Чанся водилась пара-другая медных монет, то лишь с молчаливого согласия старших.

Чанся вырос, в уходе за одеждой и постелью в чужой помощи не нуждался, прибраться да подмести в доме никогда не ленился, так что у Чэнь Чжи ни разу и в мыслях не возникло проверять чужие сундуки.

Поработав добрый час, Пэй Саньню потянулась, разминая затекшую шею, и вдруг её глаза радостно блеснули:

— Брат Чанся, у сестрицы Силуань дома соорудили качели, побежали покачаемся!

Пэй Силуань тоже доводилась им близкой родственницей по отцовской линии. В деревне она славилась своей редкой красотой и хрупким, нежным сложением — тоненькая, бледная, точно тростинка, она казалась совсем слабой, отчего невольно вызывала у каждого желание защитить её и обогреть.

Чанся, разумеется, был хорошо знаком с Силуань, вот только такой душевной простоты и легкости, как с Саньню, между ними не водилось.

Ван Лю и Чэнь Чжи, сидевшие во дворе за неспешной беседой, удивленно окликнули их:

— Вы это куда?

— Папа, мы с братом Чанся к сестрице Силуань на качелях покачаться! — звонко отчеканила Саньню и увлекла друга со двора.

Дом Пэй Силуань стоял всего через три усадьбы от них, но не успели они дойти до ворот, как позади раздался зычный голос, окликающий Чанся.

Знакомые интонации ни с чем нельзя было перепутать. Чанся тут же обернулся.

К ним скорым шагом направлялся Пэй Яо, держа в руке плетеную бамбуковую корзину. Завидев, что они остановились, он прибавил ходу.

— Вы куда это направились? — спросил он.

Чанся в двух словах пересказал ему затею Саньню.

Как раз в это время из дома напротив, услышав голос приятеля, один за другим вышли Ян Фэннянь и его младшая сестренка Ян Сяоци.

Пэй Яо с самого утра ушел в горы на поиски целебного корня купены, а вернувшись домой и не застав названного брата, расспросил дедушку с бабушкой. Узнав, что Чанся ушел на старую половину деревни, парень вовсе не собирался его искать — он просто собрал накопившиеся деревянные поделки, намереваясь отнести их на продажу в город.

Кто же знал, что стоило ему войти на эту улочку, как он тут же столкнется с беглецами нос к носу.

— А ты сам-то куда? — поинтересовался Чанся.

Пэй Яо коротко бросил:

— В город нужно наведаться.

Подошедший Ян Фэннянь, завидев в его руках корзину, с улыбкой спросил:

— Ну и сколько безделушек на этот раз смастерил?

Ян Сяоци прежде слышала от брата, что Пэй Яо — мастер на все руки и умеет вырезать из дерева диковинные штучки, но самой ей видеть их еще не доводилось, так что её личико озарилось живым любопытством.

Пэй Саньню тоже подалась вперед. Обе они были девочками, в мальчишеских забавах Пэй Яо участия не принимали, так что его поделки оставались для них тайной за семью печатями.

Заметив, как сестра косится на корзину, Ян Фэннянь хлопнул приятеля по плечу:

— А ну-ка, покажи моей мелкой, чего там у тебя.

Пэй Яо легким движением откинул холстину, являя миру свои сокровища, и приподнял корзину повыше, безмолвным жестом предлагая Саньню и Сяоци самим взять то, что приглянется.

Пэй Саньню бережно выудила из корзины фигурку серого голубя с широко расправленными крыльями. Для неё это было в диковинку: этот двоюродный брат вечно казался всем диким, буйным, да и внешностью уродился столь приметной — статный, дерзкий, — а руки, надо же,

скрывали такое тонкое мастерство.

Ян Сяоци достался зеленый попугайчик — толстенький, забавный, с крошечными черными глазками-бусинками. Девочка не удержалась от восхищенного вздоха:

— Какая прелесть!

Видя, что Чанся стоит в сторонке и не шевелится, Пэй Яо сам достал со дна корзины последнюю фигурку и протянул ему.

Ян Фэннянь первым подал голос:

— Ого! А вот эта штукавина и впрямь загляденье, любому по душе придется.

Чанся принял из его рук толстощекого желтого тигренка. Иероглиф «король»(王) на его лбу был вырезан на редкость четко и красиво. И пусть в этой фигурке не было грозной тигриной стати или свирепости, зато весь он получился на удивление кругленьким и милым, даже хвостик, прижатый к боку, казался пухлым.

Взоры всех присутствующих тут же приковались к маленькому тигру.

Чанся, которому тигренок явно пришелся по сердцу, улыбнулся одними уголками глаз. Не в силах выпустить игрушку из рук, он с нескрываемым восторгом принялся бережно поворачивать её, разглядывая со всех сторон.

Подняв голову и заметив, с каким завистливым вздохом смотрит на тигренка Пэй Саньню, он протянул фигурку ей:

— На, погляди тоже.

Саньню, повертев игрушку, передала её Ян Сяоци.

У Ян Фэнняня тоже руки зачесались, и он бесцеремонно перехватил тигренка у сестры.

Видя, что взгляд Чанся по-прежнему неотрывно следит за маленьким тигром, Пэй Яо на секунду замер.

Не успел он вымолвить и слова, как к их компании присоединились еще двое.

Цзян Иньде и Ян Хуацзюэ, весело перекликаясь, тоже направлялись к дому Пэй Силуань, чтобы покачаться на качелях. Завидев толпу и не понимая, что за диковину те разглядывают, они из чистого любопытства поспешили примкнуть к остальным.

Ну и, конечно, статная фигура Пэй Яо, возвышающаяся над всеми, служила отличным ориентиром.

Цзян Иньде отличалась бойким, решительным нравом и редкой красотой. Её лучистые глаза искрились задором, и даже когда она сердилась или метала громы и молнии, это ничуть не портило её миловидного лица.

С деревенскими парнями она никогда не церемонилась: если кто смел её задеть — могла и обругать на чем свет стоит, и от ворот поворот дать, и даже при старших спуска не давала. Но вот с девочками и шуаньэрами она всегда разговаривала с мягкой улыбкой.

Подойдя поближе и завидев упитанного, забавного тигренка, она вмиг загорелась восторгом и со смехом спросила:

— Ну-ка, дайте и мне полюбоваться!

Вокруг было полно народу, так что зазорных слухов можно было не опасаться, и Ян Фэннянь без лишних слов передал ей фигурку.

Цзян Иньде некоторое время вертела тигренка в руках, после чего дала его Ян Хуацюзэ. Сама же она с сияющей улыбкой повернулась к Пэй Яо:

— Твоя работа?

— Угу, — кивнул тот.

Его увлечение резным делом ни для кого в деревне секретом не было, глупо было бы отпираться.

Цзян Иньде со всей прямоотой заявила:

— Люди болтают, что у тебя руки золотые — и то правда, дивное мастерство. В город на продажу несешь?

На её похвалу Пэй Яо никак не отреагировал: его лицо сохранило привычное спокойствие, и лишь губы тронула вежливая, безукоризненно красивая улыбка:

— Да, нужно в город наведаться.

Ян Хуацюзэ, закончив осмотр, на мгновение замешкалась, не зная, кому вернуть игрушку, но, заметив Чанся, рассудила, что отдать её названному брату мастера будет самым верным решением.

Чанся принял маленького тигра и привычным движением бережно опустил его обратно в корзину Пэй Яо.

Ян Фэннянь мимоходом взглянул на Цзян Иньде и в душе невольно восхитился: «До чего же хороша девка! Эх, будь у меня такое мастерство, стал бы я продавать эти безделушки? Да давно бы уже преподнес ей в подарок!»

Он ведь не был слепым и прекрасно видел, как загорелись глаза у красавицы. Да что там Цзян Иньде — его собственная сестренка и пухлая Саньню тоже глаз отвести не могли.

Пусть они не смели просить подарок вслух, но раз вещь им так любя, ради девичьей улыбки стоило бы и расщедриться — парни ведь именно так и завлекают невест. Жаль только, сам он обделен был подобным талантом.

Ян Фэннянь снова скосил глаза на бамбуковую корзину, решив про себя, что на днях непременно переговорит с Пэй Яо наедине — попросит вырезать для его сестренки такого же тигренка или еще какую зверушку, а взамен предложит что-нибудь ценное из своего хозяйства.

Саньню принялась нетерпеливо подталкивать Чанся к воротам Силуань, желая поскорее добраться до качелей, пока время не ушло.

Пэй Яо бережно прикрыл холстиной три деревянные фигурки, перекинулся парой слов с Ян

Фэннянем и, заметив, что четверка уже скрылась за воротами усадьбы Пэй Силуань, немного помедлил, а затем всё же окликнул Чанся.

Поняв, что названным братьям нужно поговорить с глазу на глаз, Ян Фэннянь почесал затылок и увлек сестру к дому.

Остальные девчата тоже проявили чуткость: Пэй Санью и её подруги поспешили войти во двор первыми, не задерживаясь у ворот.

Когда Чанся наконец переступил порог усадьбы Пэй Силуань, Санью тут же зычно поманила его рукой:

— Брат Чанся, скорее иди сюда! Я уже покачалась, теперь твоя очередь садиться, а я тебя раскачаю!

Договаривая это, она вдруг осеклась, заметив, что в руках у Чанся красуется тот самый деревянный тигренок.

<http://bllate.org/book/17875/1732077>